

Научные доклады

М.Б.Попов

**ЧЕРЕДОВАНИЯ
ФОНЕМ
В СИНХРОНИИ
И ДИАХРОНИИ**

(Существуют ли живые фонетические
чередования в русском языке?)

Издательство Санкт-Петербургского университета
Санкт-Петербург
1998

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Научные доклады

М.Б.Попов

**ЧЕРЕДОВАНИЯ ФОНЕМ
В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ
(Существуют ли живые фонетические
чередования в русском языке?)**

**Издательство Санкт-Петербургского университета
1998**

Научный редактор серии
проф. А.Герд

П58

Попов М.Б.

Чередования фонем в синхронии и диахронии (Существуют ли живые фонетические чередования в русском языке?). — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. — 16 с.
ISBN 5-288-02129-5

Работа является расширенным вариантом доклада, прочитанного на заседании кафедры русского языка Санкт-Петербургского университета в мае 1997 г., и представляет собой попытку взглянуть по-новому на соотношение так называемых “исторических” и “живых фонетических (позиционных)” чередований в современном русском языке.

ББК 81.2Р-2

*Рекомендовано к изданию
филологическим факультетом
Санкт-Петербургского государственного университета*

Научные доклады

Михаил Борисович Попов

**Чередования фонем в синхронии и диахронии
(Существуют ли живые фонетические чередования в русском языке?)**

Зав. редакцией Г.Чердиченко
Редактор Н.Михайлова
Технический редактор Л.Иванова
Оригинал-макет М.Попова

Лицензия ЛР № 040050 от 15.08.96.

Подписано в печать с оригинала-макета 24.08.98. Формат 60х84/8.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 1,86. Уч.-изд. л. 2,17. Тираж 150 экз. Заказ № 343

РОПИ Издательства СПбГУ. 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Типография Издательства СПбГУ.
199034, С.-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Многие лингвисты до сих пор делают ошибку, полагая, что чередование есть явление фонетическое, основываясь на том, что материалом для него служат звуки, и что в его генезисе участвуют тоже изменения звуков. В действительности же чередование, как в его исходной точке, так и в его окончательном виде, всегда принадлежит только грамматике и синхронии.

Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики

Настоящий доклад посвящен некоторым фонологическим аспектам теории чередований и в первую очередь вопросу о том, насколько целесообразно разделение чередований фонем с одной стороны на так называемые “живые” фонетические (они же позиционные, автоматические), с другой — на исторические (они же морфологические, неавтоматические), т.е. адекватно ли такое членение объема чередований звуковому строю русского языка. Вопрос этот не только терминологический, он затрагивает одну из центральных лингвистических проблем — проблему функции языковых единиц, поскольку современная лингвистика как лингвистика функциональная и структурная основывается на идее иерархии языковых явлений, и в первую очередь на разграничении “автоматического” и “неавтоматического” (“автономного”).

Хотелось бы сразу подчеркнуть, что проблема имеет и собственно терминологический аспект, поскольку сами определения “живые” и “исторические” применительно к чередованиям носят в значительной степени метафорический и не вполне определенный характер, но, видимо, мистическим образом воздействует на фонологов, не позволяя им сделать выводы, более соответствующие языковой реальности, даже тогда, когда эти выводы кажутся вполне естественными и в принципе не противоречат общefonологической концепции.

Вопросу о чередованиях в русском языке (и вообще в славянских языках, благодаря некоторым особенностям их структуры) повезло, ему посвящена достаточно большая литература. В русистике этот вопрос освещен полно и всесторонне. В теоретическом плане наиболее глубоко, на наш взгляд, проблема чередований была поставлена и рассмотрена представителями щербовского направления в фонологии. И здесь в первую очередь нужно назвать имена двух видных отечественных лингвистов А.Н.Гвоздева¹ и Л.Р.Зиндера². Наша работа прежде всего опирается на эту традицию, восходящую к идеям Л.В.Щербы. Однако, как будет видно из дальнейшего изложения, именно в отношении к чередованиям, в частности, к разделению их на живые и исторические, идеи последователей Л.В.Щербы несколько разошлись с идеями самого Щербы.

Разумеется, соответствующая проблематика разрабатывалась и другими фонологическими направлениями, и в частности, что наиболее важно для отечественной традиции, так называемой Московской фонологической школой (МФШ), но на совершенно иных теоретических основаниях. В связи с тем, что МФШ не является, на наш взгляд, фонологической в общепринятом понимании и стоит особняком в современной фонологии (а нас интересуют прежде всего собственно фонологические аспекты теории чередований), мы не будем подробно анализировать “московскую” теорию чередований, равно как и взгляды представителей “пражской” школы и генеративной фонологии. Однако представляется целесообразным начать наши рассуждения с обширной цитаты из классика МФШ А.А.Реформатского:

“Чередования звуков (т.е. взаимная замена на тех же местах, в тех же морфемах) могут быть:

1. *Фонетические*, когда изменение звучания обусловлено позицией и чередуются варианты или вариации одной и той же фонемы, без изменения состава фонем в морфемах; таковы чередования ударных и безударных гласных в русском языке: *воды* [вóды] — *вода* [вaдá] — *водовоз* [вaдл'вoс] ..., или звонких и глухих согласных звуков: *друг* [друк] — *друга* [друкá] Такие фонетические чередования имеют обязательный характер в данном языке (в русском языке

“все гласные в безударных слогах редуцируются”, “все согласные на конце слова оглушаются”) <...>

II. *Нефонетические*, когда изменение звучания не зависит от позиций, а чередуются разные фонемы, благодаря чему морфемы получают разный фонемный состав в своих различных вариантах (например, [друг-] — [друз'-] — [друж-] в русских словах *друга* — *друзей* — *дружеский*)³.

Здесь нефонетические чередования и есть исторические, или морфологические. Приведенные определения А.А.Реформатского интересны как в теоретическом плане, так и с точки зрения оценки важнейших чередований в русском языке. Отметим только два момента. Во-первых, под термином “фонетические чередования” здесь объединено то, что в современной фонологии обычно различается, а именно, чередования фонем и чередования аллофонов (в этом А.А.Реформатский следует бодуэновской традиции). Во-вторых, в качестве фонетического контекста рассматривается не только отношение к ударению, что вполне естественно, но и “конец слова”, что очевидно следовало бы отнести к контексту лексико-грамматическому.

В сущности, положения теории чередований МФШ с ее оригинальным понятием “варианта фонемы”, отличным от понятия “вариации фонемы” (= аллофона, оттенка фонемы) и не имеющим аналогов в современной фонологии, легко трансформируются в положения Щербовской школы простым перенесением границы внутри общего объема понятия чередования. И тогда окажется, что:

1) те фонетические чередования, в которых задействованы “вариации”, окажутся чередованиями оттенков (такая трактовка может быть целесообразна на этапе отождествления аллофонов при установлении состава фонем языка) или вообще будут рассматриваться не как чередования, а как модификации фонем;

2) те фонетические чередования, в которых задействованы “варианты” (но не “вариации”!) станут “живыми” позиционными (обусловленными фонетическим контекстом), автоматическими чередованиями фонем;

3) “нефонетические” чередования (они же морфологические) останутся историческими, зависящими от лексико-грамматического контекста, но фонетически не обусловленными, т.е. с фонологической точки зрения автономными.

Получается, что по МФШ чередования фонем могут быть только историческими, а те чередования, которые описываются как фонетические, никогда не являются чередованиями *фонем* (и не имеют, по мнению представителей этого направления, никакого отношения к выражению значений). В конечном итоге такая трактовка чередований восходит к теории альтернатив И.А.Бодуэна де Куртенэ, который различал нефонетические альтернативы (= “живые” позиционные чередования и модификации фонем) и палеофонетические альтернативы (= “исторические” чередования фонем)⁴, с тем только отличием, что у Бодуэна данное разграничение является одним из многих, хотя и очень важным, в чрезвычайно дробной и разноаспектной классификации альтернатив и в сущности не привязано к теории фонемы (скорее, наоборот, фонологические идеи Бодуэна во многом подчинялись его теории альтернатив), а в системе понятий МФШ оно приобретает самодовлеющий характер и непосредственно связано с фонологической концепцией. Другое фонологическое направление (условно — щербовское) четко разграничивает модификации фонем, с одной стороны, и чередования фонем — с другой. Чередования фонем в свою очередь подразделяются на “живые” позиционные (фонетические) и “исторические”, причем и те и другие являются морфонологическими, т.е. могут участвовать в выражении грамматических значений⁵.

Надо сказать, что сам Л.В.Щерба, кажется, никогда не разграничивал исторические и живые фонетические чередования (хотя общепринятым термином “исторические чередования” иногда пользовался). Например, в своем исследовании “Восточнолужицкое наречие” (Глава 5. Модификации фонем и нечто о действующих фонетических факторах и Глава 6. Ассоциации фонем) он противопоставлял “модификации” фонем, т.е. чередования оттенков, соотнося именно их и только их с живыми фонетическими закономерностями, “ассоциациям”, т.е. морфологизованным чередованиям фонем. Из контекста работы Щербы совершенно ясно, что для него всякое чередование фонем является историческим⁶. Подобная позиция Л.В.Щербы ни в коем случае не была данью традиции, не различавшей живые и исторические чередования. Действительно, первые филологи, изучавшие современный русский литературный язык, представители дофонологического этапа развития русистики В.Е.Аододуров и В.К.Тредиаковский отождествляли исторические и живые фонетические чередования, за что уже в настоящее время были подвергнуты критике, например, Г.О.Винокуром: “Нам сейчас совершенно ясна теоретическая ошибка, допущенная здесь Тредиаковским. <...> Тредиаковский не отличает позиционных фонетических изменений (д>т перед глухими) от морфологизованных звуковых чередований (ш/с,

ж/г), представляющих собой застывший результат былых фонетических процессов. Именно это отождествление — по существу неправильное, но тем не менее очень любопытно характеризующее лингвистическую пылкость и наблюдательность Тредиаковского, — и лежит в основе выдвигаемого им фонетического принципа в русской орфографии⁷. Между традицией, не различавшей живые и исторические чередования, и взглядами Л.В.Щербы стояла детально разработанная теория чередований его учителя И.А.Бодуэна де Куртенэ.

Предваряя дальнейшее изложение, сразу отметим, что основными нашими тезисами являются следующие.

1. С синхронической точки зрения резкая, принципиальная граница (с диахронической — “скачок”) имеет место между модификациями фонем и чередованиями фонем; этот тезис соответствует основным положениям щербовского направления в фонологии и находится в резком противоречии с положениями МФШ.

2. Практически все чередования фонем в русском языке, в том числе и те, которые традиционно рассматриваются как “живые” фонетические, в действительности являются “историческими”, если использовать привычную терминологию; другими словами — чередования *фонем* могут быть только историческими, что парадоксальным образом совпадает — но лишь формально — с приведенным выше положением МФШ.

3. Действительно “живыми” позиционными (фонетическими), а значит, автоматическими могут быть признаны только те чередования, которые регулярно воспроизводятся во внешнем сандхи, т.е. на стыках слов.

Следует отметить также, что понятие живого фонетического (позиционно обусловленного) чередования коррелирует с понятием нейтрализации фонемного противопоставления, которая, согласно щербовской фонологии, “является, по существу, лишь ограничением в употреблении определенных фонем”⁸. Соответственно проблема чередований может быть рассмотрена в двух связанных, но все-таки различных аспектах: с точки зрения дистрибуции фонем в речевой цепи (фонологический аспект) и с точки зрения собственно альтернативной (морфонологический аспект). Эти аспекты не покрывают полностью друг друга: ограничение в дистрибуции не всегда приводит непосредственно к чередованию фонем в морфеме, и в таких случаях можно говорить об “изолированной” позиции (например, употребление глухих согласных в окончаниях глаголов *идеишь, идет* и т.п.). Но для нашей темы более существенным представляется другой момент. Относятся ли ограничения в дистрибуции фонем к фонетическим закономерностям? Или эти ограничения по сути своей являются ограничениями морфонологическими? Ответ на этот вопрос связан с ответом на вопрос о разграничении живых и исторических чередований.

Итак, общим местом в современной фонологии, независимо от понимания фонемы (что позволяет нам избежать здесь обсуждения этой проблемы), является разграничение “живых” фонетических и “исторических” чередований. На этом настаивают даже те фонологи, которые (например, Л.Р.Зиндер) считают, что с точки зрения фонологической системы между “живыми” и “историческими” чередованиями принципиального различия нет: и те и другие являются чередованиями фонем, имеющими грамматическую функцию. Из четырех критериев разграничения живых и исторических чередований, выделяемых Л.Л.Буланиным, а именно:

- 1) применимость/неприменимость понятия “сильная” и “слабая” позиции фонемы,
- 2) обусловленность/необусловленность фонетическими закономерностями, действующими на данном синхронном срезе,
- 3) опосредованная/неопосредованная обусловленность морфологической позицией,
- 4) отражаемость/неотражаемость на письме⁹,

— только первые два критерия могут иметь (видимо, и по мнению самого Л.Л.Буланина) принципиальное значение. На самом деле центральным, конечно, является второй критерий — отношение к действующим фонетическим закономерностям. Собственно наша задача в настоящей работе заключается в том, чтобы опровергнуть (или хотя бы подвергнуть сомнению) адекватность критериев, которые кладутся в основу разделения чередований фонем на “живые” и “исторические”, звуковому строю русского языка.

Считаем исходным и важнейшим для наших рассуждений положение Л.Р.Зиндера о том, что “механическая обусловленность живых чередований является скорее внешней, что в действительности в их основе лежит не действие произносительного механизма, а языковая традиция”, положение, из которого следует, что между живыми и историческими чередованиями по крайней мере нет резких границ. И самое для нас важное: переход живого чередования в историческое не есть скачок, качественное изменение в звуковом составе данного языка, в отличие от фонологизации аллофонов ранее единой фонемы¹⁰. Делая акцент на сходстве, а не на различиях между живыми и историческими чередованиями, Л.Р.Зиндер утверждает, что “одно и то же чередование может выступать в одном случае как

фонетическое, а в другом как историческое”¹¹: в *вода* — *водица* /д/:/д’/ — фонетическое чередование, в *вода* — *водянка* — историческое. Однако возникает вопрос: имеем ли мы здесь дело с “одним и тем же” чередованием? Та же самая мысль, но несколько иначе — фонологически более четко — сформулирована А.А.Бурыкиным: “Обусловленность-необусловленность чередований не зависит от признака, различающего чередующиеся фонемы”¹². Однако дальнейший вывод, вытекающий из этого положения, кажется, не был сделан, а именно: с точки зрения фонологической системы разграничение исторических и живых чередований не имеет смысла.

Единая проблема разграничения живых и исторических чередований имеет как собственно теоретический (определение критериев, на которых строится данное разграничение), так и практический (подведение конкретных чередований под тот или иной тип) аспект. Как всегда при решении задач такого рода, сначала на основании наблюдения языковых фактов — чередований в морфемах — формируется некоторое интуитивное представление о противопоставлении двух объектов (живых и исторических чередований), затем формулируется определение и критерии противопоставления объектов (в разных фонологических концепциях по-разному), и наконец на базе возникшей гипотезы уточняется интерпретация наблюдаемых фактов (в зависимости от привлечения большего или меньшего числа явлений, подлежащих рассмотрению).

Практически при описании звукового строя конкретного языка в ряде случаев имеет место двоякая интерпретация одного и того же чередования либо как исторического, либо как живого. Понятно, что чередование /д/:/д’/ в глагольной основе (*иду* — *идешь*) может рассматриваться только как историческое. При этом похожее на него с фонологической точки зрения, сходное с ним (но не тождественное, не “одно и то же”) чередование /д/:/д’/ в основе существительных (*вода* — *воде*) иногда интерпретируется как историческое, а иногда как живое фонетическое (позиционно обусловленное) чередование, причем при последней трактовке предполагается дистрибутивное ограничение на последовательность фонем “твердый согласный + /е/” по крайней мере в заимствованной лексике. Принципе обсуждаемый случай совершенно ясен. Это типичный пример того, что М.И.Стеблин-Каменский называл “неединственностью фонологических решений”, т.е. пример двух интерпретаций, в неодинаковой степени учитывающих факты¹³. Разумеется, нет никаких оснований рассматривать данное чередование как фонетическое (позиционно обусловленное) в современном русском языке, поскольку такое решение не учитывает ряд фактов, из которых самым, по нашему мнению, важным является наличие твердых согласных перед /е/ на стыках слов: *пере/д/ этим*, *бе/з/ этого*, *во/т/ этот* и т.п. Стык слов в языках типа русского ни в коем случае нельзя трактовать как позицию фонетическую, как фонетический контекст, поэтому внешние сандхи особенно важны при процедурах установления позиционной фонетической обусловленности в русском языке.

В некоторых работах, ориентированных на генеративную фонологию¹⁴, даже русские чередования гласных с “нулем звука” (“беглые гласные”) рассматриваются как автоматические. Эти чередования якобы вызваны фонологическим контекстом, т.е. происходит как бы “вставка” гласного в определенных группах согласных, а не “выпадение” гласного в определенных морфологических позициях: ср. в склонении существительных <ок#н-ó / óк#н-#> → окно́ / о́кон, <ов#ц-á / ов#ц-#> → овца́ / овéц (но в спряжении соответствующее чередование носит неавтоматический характер: <б’#ра́т’ / б’#р-ý> → бра́ть / беру́)¹⁵. Неавтоматический характер данного чередования для нас очевидным образом следует из того факта, что “вставка” гласного в группе согласных происходит не только перед паузой (фонетический контекст), но и не перед паузой, когда соответствующая “глубинная” группа согласных в сандхи оказывается перед гласным следующего слова: *овец* — *овец и коз* — *овцы*. Приведшее к возникновению явления “беглых” гласных изменение — падение редуцированных — давно прекратило свое действие, поэтому данное чередование является не автоматическим, не фонетическим, не позиционно обусловленным, а историческим.

Возвращаясь к чередованию твердых и мягких согласных в склонении существительных (*вода* — *воде*), зададимся вопросом, справедливо ли распространенное мнение, согласно которому “за последнее время (выделено мною. — М.П.) в русском языке происходит превращение позиции перед <е> из позиции нейтрализации ... в позицию релевантности для всех оппозиций по мягкости. Перед <е> стали возможны как мягкие, так и твердые ... теперь фонема <е> не смягчает автоматически всякий предшествующий согласный”¹⁶. Другими словами, неужели живое чередование в данном случае превратилось в историческое только “за последнее время”? Приведенные выше примеры твердых согласных перед /е/ на стыках слов, носящие регулярный характер, ясно демонстрируют, что это не так. И до “последнего времени”, т.е. до появления устойчивых и хорошо освоенных заимствований (и даже квазиомонимов типа *сер* — *сэр*) рассматриваемое чередование уже было историческим, носило

морфонологический, а не чисто фонетический, то есть позиционно обусловленный характер. Собственно только поэтому и возможны были такие заимствования. В приведенной цитате из книги В.К.Журавлева имеется одна очень характерная и показательная “неточность”: фонема /е/ не только теперь, но и раньше никогда не “смягчала всякий предшествующий согласный”. Она, если можно так выразиться, “смягчала” только так называемые парные по твердости-мягкости согласные (да и то, как мы видели, не всегда, а только внутри лексико-грамматического слова) и никогда не смягчала, например, /ш/ и /ж/. Можно совершенно точно утверждать, что в говорах, легших в основу современного русского литературного языка, по крайней мере в эпоху перехода /е/ в /о/ после палатализованных согласных, чередования твердых и мягких согласных перед /е/ уже было историческим и неавтоматическим. В противном случае автоматическая палатализация перед /е/ была бы утрачена и мягкий согласный перед /о/ из /е/ отвердел.

Следует согласиться с мнением, согласно которому в данном случае (имеется в виду “смягчение” согласных перед /е/) “мы имеем дело не с нейтрализацией фонемного противопоставления, потому что в “слабой” позиции представлен маркированный член оппозиции”¹⁷, но и так называемого “позиционного ограничения”, видимо, тоже не было, как не было скорее всего и “слабой” позиции. Даже для “пражцев” данный случай был, судя по всему, примером “мнимой нейтрализации”. Но — что более существенно — это явление не было и результатом нейтрализации, понимаемой диахронически, т.е. дефонологизации. Данная дистрибуционная особенность (больше морфонологического характера, чем фонетического: первоначально — маркирование стыка слов) возникла не в результате нейтрализации (дефонологизации)

$$/t/ \times /t'/ \{ \text{перед } /e/ \} \rightarrow /t'/,$$

а в результате рефонологизации, ядром которой была фонологизация признака палатализованности:

$$/t/ \rightarrow /t/ \div /t'/,$$

сопровождавшаяся дефонологизацией палатального ряда:

$$/t'/ \times /t'/ \rightarrow /t'/.$$

В исторической фонетике русского языка этот процесс традиционно называется “вторичным смягчением полумягких согласных”.

До сих пор еще широко распространено мнение, согласно которому “при своем возникновении любое чередование является позиционным, обусловленным законами, действующими на данном этапе развития языка. После устранения причин, вызвавших чередование, оно превращается из позиционного в фонетически необусловленное, т.е. историческое”¹⁸. При этом дело обычно выглядит так, что фонетическая обусловленность прекращает свое действие и живое фонетическое чередование превращается в историческое *в результате* осуществления других фонетических изменений, выравниваний по аналогии (т.е. процессов морфонологической индукции), а также заимствований. Интерпретация рассмотренных нами выше явлений должна была показать, что это не совсем так: морфонологическая индукция и заимствование дистрибутивной фонологической модели вместе с иноязычной лексикой начинается после того, как собственно фонемное изменение завершилось и возникшее на его базе чередование уже стало “историческим”. Таким образом, никакого перехода живого чередования фонем в историческое не происходит, в процессе фонемного изменения аллофонное (автоматическое чередование “превращается” в чередование фонем, а значит, сразу становится историческим.

Как видим, понятие “живого фонетического (автоматического) чередования” смыкается с восходящим к младограмматикам понятием “фонетического закона”. Понятие же “фонетического закона”, в свою очередь, основывается на идее *регулярности* (безысключительности) звуковых изменений. Однако в отличие от сравнительно-исторического языкознания как научной дисциплины, которая не подвергает и не может подвергать сомнению данный постулат, лежащий в ее основании¹⁹, современная диахроническая фонология признает, что в полном смысле слова регулярными, безысключительными являются только так называемые аллофонные изменения. Об этом остроумно писал М.И.Стеблин-Каменский: “Тезис младограмматиков (о регулярности, безысключительности звуковых изменений. — М.П.) справедлив только для аллофонных изменений, но зато в отношении этих изменений он даже более справедлив, чем полагали его авторы”²⁰. Не противоречат этому и факты современного русского языка: мы практически не находим ни одного живого фонетического чередования фонем, которое было бы действительно регулярным, автоматическим, обусловленным исключительно фонетическим контекстом, т.е. удовлетворяло бы тем определениям, которые даются понятию живого фонетического чередования.

Конкретно проблему разграничения автоматических и неавтоматических явлений в звуковом строе мы рассмотрим на материале чередований фонем в современном русском литературном языке. В решении этой проблемы мы будем исходить из представления о принципиальной фонологической однородности речевого потока и из идеи о постоянно возобновляющихся в процессе речевой деятельности стыках словоформ (внешних сандхи) как поле приложения творческой потенции языка: автоматическими следует считать только те фонетические закономерности, которые имеют автоматический характер и на стыках словоформ. Таким образом, с собственно фонологической точки зрения позиция фонемы перед стыком слов принципиально та же, что и внутри слова²¹.

Проблема стыков слов в том аспекте, который затронут нами в данном докладе, связана с проблемой пограничных сигналов, или диэрем. С нашей точки зрения (это ясно из предыдущего изложения), фонетические характеристики слова не могут сигнализировать о стыках слов. Видимо, в русском языке единственным пограничным сигналом, явно указывающим на межсловный стык, может считаться пауза, в том числе и так называемая “психологическая пауза”, т.е. граница между двумя синтагмами²². Граница между двумя синтагмами — это своего рода предел, абсолютная фонологическая граница: межсинтагменный шов никогда не может проходить внутри фонемы. А поскольку он естественным образом совпадает с межсловной границей, последнюю можно рассматривать в качестве главного рабочего критерия фонологической сегментации речевого потока²³.

Другой важный для нашего анализа момент — это проблема наличия в русском языке так называемой фонологической подсистемы заимствованных (или шире — малочастотных) слов. Полагаем, что при отсутствии двуязычия, подобной подсистемы не возникает, а отсутствие некоторых сочетаний фонем не свидетельствует о принципиальной фонетической невозможности таких сочетаний в соответствующем языке, причем заимствования, проходя через “фонологическое сито” языка-реципиента, часто предоставляют материал для реализации дистрибутивных возможностей, уже заложенных в звуковом строе данного языка. Здесь мы сталкиваемся скорее с проблемой соотношения системы и нормы.

Теперь перейдем к более детальному анализу тех типичных чередований фонем русского литературного языка, которые традиционно (конечно, с учетом различий, налагаемых особенностями фонологических концепций) рассматриваются в качестве живых фонетических чередований.

I. Чередование ударного /о/ с безударным /а/

Чередование фонем /о/ : /а/ в случаях типа *вол — вола, вода — воду, хожу — ходишь* и т.п. не является живым фонетическим (позиционно обусловленным) чередованием в том смысле, в каком такое чередование традиционно понимается. С синхронической точки зрения это “историческое” чередование, поскольку оно, как мы увидим дальше, не определяется фонетическим контекстом, т.е. это чередование морфологическое (морфофонологическое). Данное чередование можно считать “живым” только в том смысле, что оно продуктивно и действует в подавляющем большинстве тех русских слов, где его можно ожидать, т.е. оно находится в центре морфофонологической системы русского языка. Но с диахронической точки зрения “историческим” его можно считать и в том смысле, что фонетический процесс, который привел к появлению этого чередования (возникновение аканья), уже завершился, причем завершился довольно давно. В словах (как в заимствованной лексике, так и в своих новообразованиях, например, аббревиатурах), которые появились в русском языке после завершения данного фонетического изменения и в которых встречается безударное /о/, чередования нет вообще. Таким образом, важна не “безударность” как фонетическая обусловленность, а “чередование” как обусловленность морфологическая.

Факты современного русского литературного произношения говорят о том, что в русском языке нет никакого дистрибутивного ограничения на безударное [о], которое, являясь аллофоном фонемы /о/, весьма широко распространено и обязательно произносится в большом количестве довольно частотных слов. Эти факты давно известны: междометие *ого*, энклитические *но мы, то мы, что мы, хоть мы*; освоенные заимствования *боа, какао, радио* и др.; аббревиатуры *ООН, ГОЭЛРО*; сложные и сложносокращенные слова *полдома, Мосфильм, госдума* и др. (от них следует отличать слова с двумя ударениями типа [а]стросюжётный и даже [а]стросюжётный, в[а]доснабжение и т.п.). Таким образом, в русском языке фонемы /а/ и /о/ противопоставлены и в безударной позиции: ср. *ради* — *ави*[а]. Имеются даже минимальные пары, которые более наглядно иллюстрируют это: *а он* = *АОН* [а он] = /а он/ — *ООН* [о он] = /о он/, *на вы* = *новы* [нвы] = /навы/ — *но вы* [но вы] = /но вы/. Эти факты имеют важное значение не только для интерпретации чередований, но и для парадигматического отождествления аллофонов: несмотря на то, что в составе морфемы [а] и [б]

находятся в дополнительной дистрибуции, [ʌ] не может быть признано аллофоном фонемы /о/, поскольку в позиции первого предударного слога эта фонема представлена другим аллофоном — [o]²⁴.

В отношении обсуждаемых явлений интересны соображения А.Н.Гвоздева о том, что в русском языке [ʌ] фонематически не противопоставлено [á], а [o] соответственно фонематически не противопоставлено [ó]: ср. /носмыт'/ = [нóсмыт'] *нос мыть* = [но смыт'] *но смыть* — /исстал'иц/ = [ис ст'ал'иц] *из столиц* = [ис стá л'иц] *из ста лиц*²⁵.

Заслуга А.Н.Гвоздева заключается в том, что он сумел оторваться от фонологии изолированного слова и посмотреть на соответствующие факты с точки зрения того, как слово ведет себя в составе фразы. Он остроумно демонстрирует отношения между ударными и безударными /а/ и /о/ на примере рифмованных строк:

В цехе огромном, как топот ста ног,

Неугомонный грохочет станок

(“Здесь по требованию ритма ударение на *ста* слабее, чем на *ног*, и сочетание *ста ног* фонетически приближается к слову *станок*”²⁶).

В цехе огромном, как будто сто ног,

Неугомонный грохочет станок

(“Здесь, несмотря на то же ритмическое положение ... *сто* сохраняет свое свойственное ударному положению *о* и ни при каких условиях не совпадает со словом *станок*”²⁷).

Для нашей темы здесь важно следующее: фонологически противопоставлены, с одной стороны, *сто ног* /сто нок/, а с другой — *ста ног* и *станок* /станок/, т.е. в потоке речи — в русской фразе — регулярно воспроизводится противопоставление безударных /о/ и /а/.

А.Н.Гвоздев развивает идеи Л.В.Щербы, который, кстати, прекрасно, на наш взгляд, понимал природу чередования /о/:/а/, что ясно следует из параграфа о фонеме /о/ “Теории русского письма”: “Она (фонема /о/. — М.П.) замечательна тем, что нормально не встречается в русских словах в неударных слогах, чередуясь в этом положении с “а” <...>. Обыкновенно это чередование считается чисто фонетическим. Однако это неверно (выделено нами. — М.П.): во фразе в безударных слогах, так называемых проклитиках и энклитиках, “о” может сохраняться: *но я не верю в него ...; я знаю, что он дома ...; приехал он домой* (постпозитивное *он* является безударным и сохраняет свое “о”); *хотя он приехал домой* (здесь препозитивное *он* сохраняет свое ударение). Следовательно, безударность в настоящее время не превращает “о” в “а”²⁸. В этом высказывании Л.В.Щербы замечательно все: и тонкое диахроническое чутье, с каким он одной фразой вывел данное чередование за рамки сферы действия синхронических фонетических закономерностей, и то, что он на первый план выдвинул примеры с проклитиками и энклитиками, а не заимствованные слова, произношение которых с безударным [o] он рассматривал, видимо, лишь как следствие уже существующей оппозиции /о/ — /а/ в неударных слогах. Мы позволили себе здесь обширные цитаты не столько для того, чтобы подкрепить свои соображения ссылкой на авторитеты, сколько потому, что мнение Л.В.Щербы не имело, насколько нам известно, какого-либо резонанса даже в кругу лингвистов, принадлежащих его школе.

Итак, факты признаются, но выводы, вытекающие из их признания, обычно, если не считать приведенное высказывание Л.В.Щербы, которое является характерным исключением, не делаются. Даже А.Н.Гвоздев, который дал блестящий анализ относящегося к данной проблеме материала, отмечает: “Конечно, настоящие факты исключительны и стоят совершенно особняком в системе русского вокализма, но они вообще любопытны, показывая, как фонетика отражает выделение своеобразной языковой категории (союзов)”²⁹. Особняком ли? По нашему мнению, именно эти факты имеют первостепенное значение при анализе фонологической системы. Зачастую “мелкие”, даже микроскопические, на первый взгляд как будто периферийные, явления в звуковом строе оказываются существенными для решения центральных проблем фонологической системы³⁰.

Явления, связанные с наличием безударного [o], имеют свою динамику в русском языке. Как известно, старомосковское произношение характеризовалось отсутствием безударного [o] в союзах *что*, *хоть* и др. М.В.Панов на материале комедии А.Д.Копьева “Что наше тово нам не нада” (СПб., 1794), в тексте которой последовательно и демонстративно передается аканье в репликах действующих лиц, показал, что для бытовой дворянской среды конца XVIII в. было характерно произношение безударного *шта*, *патаму шта*, *кали*, *кали*, *хать*: ср. “*Што́* ты гаваришь!”, но “Сагласись, *шта* силой милъ не будешь”; “*Што́жъ* дѣлать, галубчикъ! Кто разумѣть дурно́, тотъ *ища* [sic!] *хать* [sic!] дурно́ да разумѣть (...)”³¹.

Р.И.Аванесов, не уделяя особого места данному вопросу в основном тексте 5-го издания своего “Русского литературного произношения”, в комментариях к прилагаемым в конце книги транскрипциям

рекомендует старую норму, отмечая допустимость и нового произношения: “Безударное (! — М.П.) слово *что*, примыкая к ударному слову *весь*, может произноситься также с гласным [о]: [што-в’эс’]³². В то же время приводимые М.В.Пановым транскрипции реального чтения текстов (например, В.Н.Яхонтовым, А.Вознесенским; см. также приведенные выше примеры из “Теории русского письма” Л.В.Щербы) показывают, как нам представляется, наличие устойчивого безударного [о] в случаях энклитических *что*, *хоть* и, разумеется, *но*. Относительно последнего Р.И.Аванесов отмечает, что союз *но*, примыкая к следующему слову, “оказывается в безударном (! — М.П.) слого, однако произносится с гласным [о], не изменяя его в [ʌ] или [ɤ]”³³.

Видимо, первоначально — на раннем этапе формирования акающей нормы — все (или почти все) эти союзы в безударной позиции подчинялись “фонетическому закону” (аллофонному изменению), и только потом — после собственно фонологического изменения (мутации) — начались процессы морфонологические, а именно то, что А.Н.Гвоздев назвал “выделением (морфонологическим. — М.П.) своеобразной языковой категории (союзов)” (см. выше). Фонологическое же содержание этих морфонологических процессов (традиционно — “выравниваний по аналогии”) — подчеркнуть, что мутация уже имела место, фонологическое изменение свершилось и возникло чередование /о/:/а/, которое, будучи чередованием *фонем*, сразу же было “историческим”. Индикатором завершенности фонетического процесса становится возникновение противопоставления /о/ — /а/ в безударной позиции, функциональная нагрузка которого подчеркивалась, в частности, появлением сравнительно большого (именно благодаря союзам) числа минимальных пар типа *но мне — на мне*, *то мил — томил* и т.п. Дело здесь, видимо, не столько даже в выделении собственно союзов, сколько в том, что употребление безударного [о] именно в союзах функционально нагружает данное противопоставление. Все это делает с точки зрения фонологической системы понятной возможность и относительную легкость взаимодействия в XVIII в. (когда закладывались основы современного литературного произношения) “акающего” и “окающего” вариантов произношения в социальном и стилистическом аспектах. Ведь взаимодействовали не системы, а варианты нормы. “Окающее” произношение XVIII — начала XIX в. связано не с севернорусским оканьем, а с церковным произношением. Этому “окающему” литературному произношению соответствует “екающее”. На смену паре “оканье — еканье” в литературном языке приходит пара “аканье — иканье”, тогда как в диалектных системах с аканьем этому “системному” аканью параллельно яканье, а не иканье. Все это процессы внутри фонологической системы и нормы литературного языка, непосредственно не связанные с процессами в говорах. Диалектные фонологические системы теперь сами видоизменяются под влиянием литературного языка.

То, что в случае с чередованием /о/:/а/ мы имеем дело с историческим чередованием, подтверждают встречающиеся sporadически в речи людей, владеющих нормами литературного произношения (в частности, в речи тележурналистов) “оговорки” (?) типа *ави[о]билет*, *ави[о]компания* и т.п., которые предварительно (до проведения более основательного и систематического исследования) можно интерпретировать как гиперкорректные формы, вызванные, с одной стороны, влиянием орфографии соединительных гласных (написания которых являются бесспорными и поэтому подчиняются традиционному принципу орфографии; ср., впрочем, возможность интерпретации именно ударного [ó] как соединительного гласного в словах типа *термометр*, *барометр* и т.п.), а с другой — фонетической поддержкой модели с безударным [о] в позиции после гласного (особенно после /и/), представленной в формах типа *рад[ио]*, *вид[ио]*, которые кроме того близки форме *авиа* семантически и акцентологически.

Несколько сложнее обстоит дело с интерпретацией чередований, связанных с так называемым иканьем. Чередования /е/:/и/ (*беды — беда*), /а/:/и/ (*пять — пяти*), /о/:/и/ (*вел — вела*) после мягких согласных в зависимости от ударения всегда рассматриваются как живые фонетические позиционно обусловленные. Однако если выйти за рамки взятых отдельно изолированных слов, то картина меняется. В позиции после мягких согласных безударные гласные неверхнего подъема достаточно часто встречаются на стыках слов: /хот’ ад’ин/ *хоть один*, /в’ит’ ана/ *ведь она* и т.п. В принципе фонетическая система русского языка допускает в такой позиции и безударное /о/, хотя лексически наполняемость этой возможности крайне ограничена: ср. /в’ит’ оон/ *ведь ООН*, /хот’ ого/ *хоть “ого” скажи*. Впрочем, при внимательном поиске можно найти достаточно примеров на безударное /о/ после мягких согласных и внутри слова: ср. *т[р’о]хсот*, *четы[р’о]хсот*. Наличие подобных форм означает, что в случае с /а/:/и/ и /о/:/и/ мы имеем дело уже с явно “историческим” чередованием. На это же указывает произношение *сл[э]зоточивый*, *м[э]доточивый* (при наличии двух ударений в данных словах), но не **сл[ò]зоточивый*, **м[ò]доточивый*, хотя с точки зрения фонологической системы, как мы видели, такие формы допустимы, а в сильной позиции имеем *сл[ò]зы*, *м[ò]д*.

Совсем другая ситуация с чередованием /е/:/и/. Здесь мы действительно не найдем примеров, иллюстрирующих противопоставленность в безударной позиции чередующихся фонем. В этом случае имеет место не противопоставленность, а вариантность произношения в зависимости от стиля речи, т.е. взаимодействие “икающего” и “екающего” литературного произношения в процессе изменения /е/ > /и/ в безударной позиции. Судя по всему, это самостоятельный процесс в фонетической системе русского литературного языка, не имеющий прямого отношения к еканью и иканью в русских говорах. Процесс, генетически восходящий к диалектному иканью, проникшему в московское койне и связанному с общерусской тенденцией преобразования безударного вокализма, был прерван в литературном языке в XVIII в. Таким образом, мы в настоящее время находимся на одном из заключительных этапов позиционно обусловленного фонемного изменения /е/ > /и/. Именно потому чередование /е/:/и/ напоминает живое фонетическое чередование, что оно как бы только “вылупилось” из аллофонного изменения и находится на синтагматическом этапе процесса, когда парадигматический сдвиг еще не произошёл. Чередование /е/:/и/ похоже на живое, поскольку это еще не чередование *фонем*, а значит, вообще еще не чередование³⁴. Со своей стороны чередования /а/:/е→и/ и /о/:/е→и/ отражают давно завершившиеся (и потому морфонологизовавшиеся) фонемные изменения: сначала /о/ > /а/ после мягких и твердых согласных, а затем /а/ > /е/ после мягких согласных. Результатом этих изменений и явилось ставшее нормой в процессе формирования в XVIII в. современного русского литературного языка аканье (противопоставленное церковнославянскому “оканью”) и еканье (противопоставленное московскому просторечному “иканью”).

II. Чередования глухих и звонких согласных

Так называемое “оглушение” шумных звонких согласных на конце слова также является историческим, а не живым фонетическим позиционно обусловленным чередованием. Здесь мы также развиваем понимание данного вопроса Л.В.Щербой, указывавшим (впрочем, без каких-либо теоретических комментариев) применительно к восточнолужицкому говору, где ситуация принципиально не отличается от русской, следующее: “§149. Чередования звонких с соответствующими глухими ... в конце слова и перед глухими надо признать историческим у молодого поколения”³⁵.

Давно отмечен тот факт, что в случаях типа *Помо[к] ли он?* или *Ну, не га[т] ли?* оглушение конечного согласного происходит не перед паузой, а в ауслауте. Именно поэтому контекст оглушения звонких в конце слова так и определяют: “на конце лексико-грамматического слова” (морфонологическая обусловленность), а не “перед паузой” (фонетическая обусловленность). Соответствующий контекст можно описать более “морфологично” — “перед нулевой флексией”. Раньше других, насколько нам известно, именно таким образом это правило сформулировал Л.Л.Буланин: “в именах существительных с основой на звонкий согласный перед нулевым окончанием звонкий согласный чередуется с глухим”³⁶. А это означает не что иное, как признание неавтоматического (с фонетической точки зрения) характера данного чередования³⁷: ведь если нет нулевой флексии, то нет и чередования звонкого и глухого (например, в окончаниях глаголов *идет, идешь* или на конце наречий *вдруг, вспять* и т.п. конечный согласный всегда глухой, если оставить в стороне случаи “озвончения” перед начальным звонким шумным согласным следующего слова). Соответственно оглушение на конце слова не перед паузой не следует интерпретировать и как ограничение в дистрибуции фонем, поскольку чередование здесь не является автоматическим.

Такое ограничение в дистрибуции, однако, естественно было бы предполагать в случаях “оглушения” перед глухими и “озвончения” перед звонкими шумными согласными, т.е. там, где на первый взгляд действительно имеет место автоматическое, а значит, живое фонетическое чередование. Но и в этих случаях, на наш взгляд, происходит историческое чередование фонем, чисто фонетическая обусловленность которого на самом деле носит скорее внешний характер. Дело здесь, видимо, заключается в том, что грамматическая функция таких чередований в значительной степени ослаблена. Эти выводы подтверждаются, как нам представляется, следующими фактами современного русского литературного языка.

Известно особое отношение фонемы /в/ к признаку звонкости-глухости в русском языке: она ведет себя по отношению к предшествующим согласным как сонорный, не “озвончая” их (*твой — двор*), хотя сама “оглушается” на конце слова и перед глухими. Р.О.Якобсону принадлежит открытие того, что в русском языке “в случае, когда шумный согласный предшествует звонкому шумному, первый из них тоже становится звонким, если они следуют непосредственно друг за другом или между ними имеется в: *от вдовы* [-двд-], *с вдовой* [-звд-], *к вдове* [-гвд-], *от взглядов* [-двзг-], *к вздохам* [-гвзд-] ...”³⁸, но пе-

ред “/в/ + сонорный” озвончение отсутствует: *от внука* [-твн-], *с внуком* [-свн-], *к врачу* [-квр-] и под. Таким образом, Р.О.Якобсон как бы приравнивает позицию перед “/в/ + шумный” к позиции перед “шумным (без предшествующего /в/)”.

Однако ни Р.О.Якобсон, ни А.А.Реформатский, подробно в своих “Фонологических этюдах” рассмотревший “правило Якобсона” в той части, которая касается позиции перед /в/, не отметили одной существенной детали данного явления: “правило Якобсона” не всегда работает на стыках слов. Оно действует (правда, с обычной непоследовательностью, характерной для стыков фонетических слов) тогда, когда /в/ оказывается в начале фонетического слова (например, *принес вдове* [-звд-] или *принес в дом* [-звд-], *кот/код в доме* [-двд-]), но не действует, когда /в/ оказывается в ауслауте перед следующим словом, начинающимся со звонкого шумного (например, *клятва дал* [-твд-], *подожив было* [-швб-] и под.). А это означает, что закономерность, обнаруженная Р.О.Якобсоном, не чисто фонетическая: действуя внутри фонетического слова, но действуя автоматически на стыке слов, она носит специфический морфонологический характер. С нашей точки зрения, только те дистрибутивные закономерности, которые автоматически подтверждаются во внешних сандхи, могут претендовать на статус фонетических. Следовательно, чередования, вызванные “правилом Якобсона”, являются историческими не только перед сочетанием “/в/ + шумный”, но и перед приравненным к этому сочетанию “звонким шумным (без предшествующего /в/)”.

М.В.Панов отмечает, что на стыке слов возможно сочетание “глухой + звонкий шумный” при условии значительно более сильного ударения на первом слове по сравнению со вторым³⁹. Однако более серьезные исследования данного феномена показали, что обязательным условием произношения глухого согласного перед следующим звонким в сандхи является наличие синтагматического шва⁴⁰, который был охарактеризован нами выше как “абсолютная фонологическая граница” и фонетически приравнен к стыку слов. Соответственно, фонетическое чередование (“озвончение”/ “неозвончение”), которое по-разному происходит на межсловном стыке внутри синтагмы и межсинтагменном стыке, является чередованием морфонологическим, а значит, — историческим.

Было бы очень соблазнительным для подтверждения нашего тезиса об историческом характере чередований по звонкости-глухости воспользоваться и известным примером А.А.Реформатского — *язв* [язф], *трезв* [тр’езф]⁴¹, примером, который, если он отражает языковую реальность (судя по всему, отражает — иначе Реформатский не заметил бы этого факта, а многие видные лингвисты не восприняли бы его как реальный⁴²), показывает, что звонкий согласный остается звонким перед “заведомо оглушенным шумным звуком”: “Пусть само <в> в конечной позиции (в случае *язв*) оглушилось, но оно сохранило свои позиционные свойства и способности в отношении различения предшествующих звонких и глухих...”⁴³.

Предложенной интерпретации чередований по звонкости-глухости не противоречат, а скорее даже подкрепляют ее, некоторые особенности артикуляционной базы русского литературного языка (именно литературного, поскольку артикуляционная база, например, севернорусских говоров — другая). Имеем в виду прежде всего такую особенность артикуляционной базы, как слабая степень примыкания звуковых компонентов друг к другу в речевой цепи, которая, будучи глубинным свойством русской ко-артикуляции, проявляется применительно к интересующей нас области консонантизма в следующих чертах: “возможность переключения речевого аппарата с одних контрастных артикуляций на другие, степень насыщенности консонантных комплексов вокалическими прослойками, характер выраженности эксплозии в группе смычных”⁴⁴. В частности, для литературного русского произношения характерны вокалические прослойки между смычными согласными, в том числе между звонкими и глухими: ср. *отбой* [-д(ъ)б-], *к дому* [г(ъ)д-]⁴⁵. Эти факты лишний раз подчеркивают не чисто фонетический, а морфонологический характер “оглушений” и “озвончений” в литературном языке. Заметим попутно, что совершенно иная система консонантизма представлена севернорусскими говорами, в которых, с одной стороны, отсутствует оглушение звонких согласных на стыках слов перед гласными и сонорными, а с другой — имеются полувзвонкие согласные в интервокальной позиции⁴⁶. Не исключено, что в этих говорах “озвончения” и “оглушения” не на стыках слов представляют собой аллофонное варьирование (т.е. действительно “живое” фонетическое “чередование”) и только наблюдателем-лингвистом, носителем литературного языка, воспринимаются как оглушения и озвончения, подобные литературным чередованиям фонем. Имеются серьезные основания предполагать, что для севернорусского консонантизма характерна система с противопоставлением согласных по признаку напряженности-ненапряженности, а не звонкости-глухости.

Итак, приходим к выводу о том, что две важнейших группы чередований фонем в звуковой системе русского литературного языка — чередования /о/:/а/ и чередования звонких и глухих согласных —

традиционно рассматриваемые как живые, обусловленные фонетическим контекстом, в действительности являются чередованиями историческими. "Живыми" же их можно назвать только в том смысле, что они продуктивны и занимают центральное место в морфонологической системе русского языка.

III. Другие чередования

Непризнание живыми фонетическими чередованиями таких хрестоматийных случаев, как разобранные выше, ставит под сомнение соответствующий статус и некоторых других чередований, которые обычно считаются таковыми. Наиболее очевиден неавтоматический, нефонетический характер чередований свистящих и шипящих перед шипящими, что подтверждается наличием произносительных вариантов в сандхи: ср. [л'еш шум'ит] и [л'ес шум'ит] *лес шумит*, причем именно последний вариант характерен для полного стиля⁴⁷, который особенно важен для фонемной идентификации.

Более сложный случай представляют чередования, вызванные дистрибутивным ограничением мягких и твердых согласных перед /и/ и /ы/. Если исходить из того, что /и/ и /ы/ — самостоятельные фонемы, то чередование /д/:/д'/ в *вода* — *водица* будет живым фонетическим, в то время как в *вода* — *водянка* — историческим⁴⁸; соответственно, живым фонетическим будет чередование /и/:/ы/ в *ива* — *под ивой*⁴⁹. Как будто в данном предположении все логично, однако, что-то мешает полностью принять эту логику. Получается, что в русском языке в одних случаях — то есть в одних морфемах — твердость согласного определяет наличие /ы/ (*подытожить*), в других — наоборот — наличие /и/ определяет мягкость предшествующего согласного (*водица*). Представляется, что такое распределение не является на самом деле фонетическим, оно сложилось в результате определенных и в сущности непосредственно не связанных между собой фонетических изменений, рефлексy которых наложились друг на друга и определили своеобразие русской морфонологической системы. Если мы несколько трансформируем (ничего не меняя по сути) пример Л.Р.Зиндера и возьмем вместо пары *вода* — *водица* пару *воды* — *водица*, то увидим, что /ы/ в *воды* определяется твердостью /д/ (ср. Фе/д'и/) (чередование обусловлено фонетически, т.е. оно как бы не историческое, или другими словами "минус историческое"), а /и/ в *водица* определяется мягкостью /д'/ (чередование опять же обусловлено фонетически, т.е. оно опять же как бы "не историческое"). Каждое из этих чередований (или позиционных ограничений в дистрибуции) очень похоже на живое фонетическое, но их наложение и как бы взаимная отмена фонетической обусловленности показывает, что и в том и в другом случае мы имеем дело уже с чередованием историческим, которое имеет лишь внешнюю форму живого фонетического чередования (т.е. "минус" на "минус" дает "плюс").

Можно посмотреть на приведенный пример и с другой стороны. Дело в том, что словообразовательные примеры вообще не представляются удачными для демонстрации чередований, так как при словообразовании чередования носят несколько иной характер, чем при формообразовании — они накладываются на чередования, существующие в парадигме словоформ. С этой точки зрения, так называемое чередование /д/:/д'/ в *вода* — *водица* это не чередование в принятом выше понимании, а своего рода "чередование чередований", так как здесь чередуются не фонемы, а морфемы {д:д'}:{д'}, т.е. историческое (=морфонологическое) чередование фонем /д/:/д'/ (=морфонема {д:д'}) в *вода* — *водё* чередуется с изолированной морфемой {д'} в *водица*. Словообразовательные отношения *водить* → *вождение* и *водить* → *вóда* "тот, кто водит (в игре)" обслуживаются следующими чередованиями морфем: *вóда* — *водить* — *вождение* = {д:д'}:{д':ж'}:{жд'}. Об этом писал еще И.А.Бодуэн де Куртенэ, классифицируя альтернации с точки зрения простоты и сложности на "простые альтернации" и "альтернации (пар)альтернатив", или "альтернации альтернативных отношений"⁵⁰.

Фактически в русском языке нет ни одной парадигмы словоформ, в которой бы имелось чередование твердого и мягкого, обусловленное позицией согласного перед /и/, и которое существовало бы до возникновения иканья. Ясно, что в *вода* — *водё* историческое чередование /д/:/д'/, но в *вода* — *водё* чередование /д/:/д'/ также историческое, несмотря на то, что в современном русском литературном языке /д'/ в последнем слове находится в позиции перед /и/, так как его фонетическая позиционная обусловленность чисто внешняя, не затрагивающая сущности явления: ведь даже с традиционной точки зрения, различающей исторические и живые фонетические чередования фонем, историческое чередование не может превратиться в живое фонетическое. Данный пример, кстати, показывает необходимость учитывать диахронию (разумеется, когда это возможно) при синхроническом анализе языковых явлений, так как синхронные дистрибутивные ограничения в распределении языковых единиц иногда оказываются двусмысленными и могут повести исследователя по неверному пути.

Таким образом, в русском языке остается фактически только одно чередование /и/:/ы/, которое в принципе можно было бы интерпретировать как живое позиционное, обусловленное чисто фонетическим контекстом — наличием твердого согласного перед /ы/. Исходя из всего сказанного выше, в том числе из общих соображений, и это чередование фонем следует признать историческим, если, конечно, это действительно чередование самостоятельных фонем, в чем трудно сомневаться, хотя, как известно, до сих пор этот вопрос в отечественной фонологии остается дискуссионным. Но вопрос о фонематической самостоятельности [и] и [ы] — это другая проблема, которая должна быть решена на предшествующих этапах фонологического анализа, а именно, при установлении состава фонем русского языка. Правда, от того решения, какое будет принято, зависит интерпретация контекста, в котором происходит данное чередование.

* * *

Итак, проведенный анализ и интерпретация фонемных чередований, которые в современном русском литературном языке традиционно считаются живыми фонетическими, отличными от исторических (морфологических), приводит к выводу о том, что всякие чередования *фонем* являются историческими. Таких чередований, которые удовлетворяли бы критериям, обычно устанавливаемым для признания чередования живым фонетическим, видимо, не существует. Дальнейшая классификация чередований фонем возможна и необходима в морфонологическом аспекте, но в ее основе не должно лежать разделение чередований на живые фонетические и исторические, разделение, неадекватно отражающее звуковой строй по крайней мере русского языка. Пересмотра требует, таким образом, и господствующая в соответствующей области лингвистики терминология.

Мы ограничиваем наши выводы русским языком, однако, полагаем, что они в целом должны быть справедливы и в отношении других фонемных языков. Например, в своем описании фонетики французского языка М.В.Гордина различает фонетические (позиционные) и исторические чередования, однако примеры фонетических чередований, которые приводятся в ее работе, являются, на наш взгляд, либо текущими фонетическими изменениями, либо историческими чередованиями, что фактически признает и сам автор⁵¹. Л.Р.Зиндер в посмертно изданном “Теоретическом курсе фонетики современного немецкого языка” отмечает, что в немецком отсутствуют живые фонетические чередования гласных, и отводит одно кажущееся исключение⁵². Видимо, таких “кажущихся” живых фонетических чередований фонем в разных языках еще достаточно.

В связи с развиваемыми здесь положениями теряет смысл и такое понятие, как фонологическая нейтрализация (не случайно, конечно, не разработанное в щербовской фонологии), во всяком случае применительно к мене звонких и глухих на конце слова и к чередованию /о/:/а/ в зависимости от ударения, которые, как правило, и приводятся в качестве типичнейших примеров нейтрализации в русском языке. Видимо, следует уступить термин *нейтрализация* понятийному аппарату диахронической фонологии. Например, для обозначения того явления, которое традиционно в исторической лингвистике называется *слиянием* (merger) фонем, особенно в случае, когда диахронический процесс текущего фонетического изменения (sound change in progress) рассматривается с позиций синхронии, т.е. функционирующей системы. Среди проанализированных в настоящем докладе примеров к нейтрализации в предложенном смысле будет относиться слияние /е/ и /и/ в безударной позиции, т.е. замена еканья иканьем в русском литературном языке. В то же время чередование, например, ударного /о/ и безударного /и/ после мягких согласных (типа *нес* — *несу*) к нейтрализации как текущему фонетическому изменению не имеет никакого отношения.

Наша задача заключалась в том, чтобы показать неадекватность в фонологическом плане противопоставления позиционных фонетических чередований историческим, так как с точки зрения фонологической системы между ними нет различий. За редкими исключениями мы старались не затрагивать собственно морфонологическую проблематику, а именно, типологию чередований фонем. В данном докладе мы пытались продемонстрировать, что эта типология не должна базироваться на ставшем уже традиционным разделении чередований на живые фонетические и исторические.

В заключение еще раз подчеркнем, что дело в конце концов не в терминологии, хотя в свете развиваемых здесь положений и ее желательно изменить. Дело не в том, чтобы спасти традиционную терминологию, придумывая для каждого конкретного случая удобное объяснение (например, объявить все безударные [о] ударными, “полуударными” или “четвертьударными”), а в том, чтобы понять, как функционирует язык.

Примечания

- ¹ Гвоздев А.Н. О фонологических средствах русского языка (1946 г.). Роль исторических чередований в современном русском языке (1954 г.). К вопросу об отношении фонетики к морфологии (1960 г.) // Гвоздев А.Н. Избранные работы по орфографии и фонетике. М., 1963.
- ² Зиндер Л.Р. Общая фонетика. Л., 1960; 2-е изд. М., 1979.
- ³ Реформатский А.А. Введение в языковедение. 4-е изд. М., 1967. С.276–277.
- ⁴ Бодуэн де Куртене И.А. Опыт теории фонетических альтернатив (1895 г.) // Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т.1. М., 1963. С.281.
- ⁵ О фонологической и морфологической классификации чередований в щербовской школе см.: Маслов Ю.С. О типологии чередований // Звуковой строй языка. М., 1979. С.195–201.
- ⁶ Щерба Л.В. Восточнолужицкое наречие. Т.1. Петроград, 1915. Ср., например, в разделе о модификациях фонем: “Сюда относились бы и чередования, указанные в §51, хотя они и являются историческими” (с.52); “Возможно, что чередования этого параграфа (речь идет о чередованиях оттенков, т.е. модификациях фонем. — М.П.) являются вполне историческими, тем более, что все они вполне сознательны” (с.53) и др.
- ⁷ Винокур Г.О. Орфографическая теория Третьяковского (1948 г.) // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С.476–477. Мы, конечно, не можем сожалеть (как это делает Г.О.Винокур) о том, что Третьяковский не разделял идей МФШ, но для нас особенно важно это свидетельство Третьяковского как носителя языка и ученого, чей “пытливый и наблюдательный” ум не был еще замутнен фонологическими концепциями.
- ⁸ Зиндер Л.Р. Общая фонетика. М., 1979. С.236.
- ⁹ Буланин Л.Л. Фонетика современного русского языка. М., 1970. С.131–135.
- ¹⁰ Зиндер Л.Р. Общая фонетика. С.237–238.
- ¹¹ Там же. С.238.
- ¹² Бурыкин А.А. Некоторые вопросы систематики фонологических единиц (в связи с теорией нейтрализации): Дипломное соч. Л., 1977 (рукопись).
- ¹³ Стеблин-Каменский М.И. О симметрии в фонологических решениях и их неединственности // Вопросы языкознания. 1964. №2. С.51.
- ¹⁴ Которая в сущности является морфонологией, так как описание строится при помощи конструирования “теоретически исходной формы”, в зависимости от контекста трансформирующейся в поверхностную структуру посредством применения определенных правил, причем этот контекст и правила трактуются как фонологические, что по сути дела является злоупотреблением фонологической терминологией.
- ¹⁵ Stankiewicz E. Opposition and Hierarchy in Morphophonemic Alternations (1967 г.) // Stankiewicz E. Studies in Slavic Morphophonemics and Accentology. Ann Arbor, 1979. P.1–13.
- ¹⁶ Журавлев В.К. Диахроническая фонология. М., 1979. С.127.
- ¹⁷ Колесов В.В. Позиционное ограничение как предел свертывания динамической системы // Звуковой строй языка. М., 1979. С.152.
- ¹⁸ Буланин Л.Л. Фонетика современного русского языка. С.133.
- ¹⁹ См. об этом: Русаков А.Ю. Нерегулярные фонетические соответствия как проблема индоевропейского сравнительно-исторического языкознания: Канд. дис. Л., 1985.
- ²⁰ Стеблин-Каменский М.И. Очерки по диахронической фонологии скандинавских языков. Л., 1966. С.71.
- ²¹ Важность учета сандохнальных форм при фонологическом анализе, правда, в несколько ином аспекте, в частности, на этапе сегментации речевого потока на фонемы, была подчеркнута в работе: Либерман А.С. Фонема или различительный признак? // Фонетика. Фонология. Грамматика. М., 1971. С.143–150.
- ²² Другим просодическим пограничным сигналом (факультативным) в русском языке может являться так называемый “твердый приступ” в словах, начинающихся с гласного: о Толе /а-то-л’и/ — от Оли /а-то-л’и/ и /ат-#о-л’и/.
- ²³ Единственная оговорка касается непринужденной спонтанной речи, для которой характерен бытовой и связанный с ним речевой шаблон, приводящий к формированию фраз, членение которых на отдельные слова ослабляется. См. об этом: Якубинский Л.П. О диалогической речи (1927 г.) // Якубинский Л.П. Избранные труды: Язык и его функционирование. М., 1986. С.49–50.
- ²⁴ Подробнее об этом см.: Попов М.Б. К вопросу о процедуре парадигматической идентификации аллофонов // Динамика русского слова. СПб., 1994. С.27–29.
- ²⁵ Гвоздев А.Н. О фонологических средствах русского языка (1946 г.) // Гвоздев А.Н. Избранные работы по орфографии и фонетике. М., 1963. С.103–104.
- ²⁶ Там же. С.146.

- 27 Там же. С.147.
- 28 Щерба Л.В. Теория русского письма. М., 1983. С.54; здесь — в издании под редакцией Л.Р.Зиндера — восстановлен этот параграф, отсутствовавший в первом издании "Теории русского письма": Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
- 29 Гвоздев А.Н. О фонологических средствах русского языка (1946 г.) // Гвоздев А.Н. Избранные работы по орфографии и фонетике. М., 1963. С.125.
- 30 Вспомним хотя бы название буквы "ы", периферийное слово, наличие которого, однако, неопровержимо доказывает фонематическую самостоятельность /ы/ в русском языке.
- 31 Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII-XX вв. М., 1990. С.301–303; в примерах, приведенных из этой работы, выделение и расстановка ударения — наши; М.В.Панов полагает, на наш взгляд, ошибочно, что в слове *дурно* написание "о" является отклонением от "акающей" орфографии автора комедии.
- 32 Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. М., 1972. С.374. Указание Р.И.Аванесова на безударность *што* важно, так как существует теоретическая возможность фонологически интерпретировать всякое [o] как ударное. Восприятие авторитетных фонетистов играет здесь для нас роль своего рода лингвистического эксперимента.
- 33 Там же. С.362.
- 34 Так что в каком-то смысле прав Л.В.Щерба и некоторые его современные последователи, например, Л.Р.Зиндер и Л.Л.Буланин, которые трактуют литературную норму как екающую. Это верно постольку, поскольку парадигматический процесс изменения еще не завершен. Соответственно, интерпретация рассмотренных выше чередований как /a/:/и/ и /o/:/и/, а не /a/:/е/ и /o/:/е/ с диахронической точки зрения является некоторым забеганием вперед.
- 35 Щерба Л.В. Восточнолужицкое наречие. С.70.
- 36 Буланин Л.Л. Фонетика современного русского языка. С.135; см. также: Чурганова В.Г. Очерк русской морфонологии. М., 1973.
- 37 Подробное рассмотрение вопроса о соотношении фонетического и рамматического контекстов при чередовании фонем, в частности, на примерах русских чередований звонких и глухих, и попытка более строго сформулировать традиционный подход к его решению имеется в работе: Касевич В.Б. Морфонология. Л., 1986. С.18–21. Много интересных примеров чередований, в которых фонетическая позиция и позиция в морфеме совпадают, приводится из восточнославянских говоров в работе: Калнынь Л. Э. К вопросу о разделении звуковых чередований на фонетические и нефонетические // Славянское и балканское языкознание: Проблемы морфонологии. М., 1981. С.205–211. Однако автор, находящийся на иных фонологических позициях, естественно приходит к выводам, принципиально отличающимся от наших.
- 38 Jakobson R. Die Verteilung der stimmhaften Geräuschlaute im Russischen // Jakobson R. Selected writings. I. The Hague, 1962. P.506 — цит. по работе: Реформатский А.А. Фонологические этюды. М., 1975. С.131.
- 39 Панов М.В. Русская фонетика. М., 1967. С.191.
- 40 Пауфошима Р.Ф., Агоров Д.А. Об условиях ассимилятивного озвончения согласных на стыке фонетических слов в русском языке // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971. С.193.
- 41 Ср. обязательное оглушение перед /ф/, как чередующимся, так и не чередующимся с /в/: без *вишей* [-сфш-], без *второго* [-сфт-].
- 42 Зализняк А.А. Размышления по поводу "язв" А.А.Реформатского // Предварительные публикации Проблемной группы по экспериментальной и прикладной лингвистике. Вып.71. М., 1975. С.13–23; Касевич В.Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1983. С.49.
- 43 Реформатский А.А. Фонологические этюды. М., 1975. С.133.
- 44 Пауфошима Р.Ф. Перестройка системы предупредного вокализма в одном вологодском говоре // Физические основы современных фонетических процессов в русских говорах. М., 1978. С.31.
- 45 Там же. С.24.
- 46 Пауфошима Р.Ф. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983. С.55–57.
- 47 Матусевич М.И. Современный русский язык: Фонетика. М., 1976. С.211.
- 48 Зиндер Л.Р. Общая фонетика. С.238.
- 49 Матусевич М.И. Указ. соч. С.220.
- 50 Бодуэн де Куртенэ И.А. Указ. соч. С.294.
- 51 Гордина М.В. Фонетика французского языка. СПб., 1997. С.159–166.
- 52 Зиндер Л.Р. Теоретический курс фонетики современного немецкого языка. СПб., 1997. С.140.

